

В кабинете повисла до странности неловкая, тяжелая тишина.

Она прервалась лишь тогда, когда в дверь постучали и внутрь вошел староста третьей группы, нагруженный стопкой каких-то бланков. Он явно не ожидал увидеть в кабинете куратора такую толпу в это время суток. А заметив среди присутствующих Сы Юэ, и вовсе вытаращил глаза от изумления.

— Оставь на столе, — устало махнул рукой куратор Мэн Синчжи.

Он и в страшном сне не мог представить, что на том конце провода окажется господин Бай Цзянь.

Впрочем, ни один нормальный человек не додумался бы вписать номер господина Бай Цзяня в графу «Контакты отца». Да и откуда бы у куратора вообще взялся личный номер главы клана Бай? Знай он, кому звонит, ни за что бы не набрал эти цифры.

Какой же стыд.

Вызвать к директору... тьфу, то есть к куратору... главного спонсора всего университета! Половина общественной инфраструктуры Цинбэя была построена на пожертвования семьи Бай, а две трети учебных материалов и оборудования в медицинском институте тритонов — это их прямые дары.

Мэн Синчжи, обливаясь холодным потом, отхлебнул чая и поднял глаза на стоящего перед ним Сы Юэ.

Парень явно не чувствовал за собой вины. Пусть лицо его и оставалось невозмутимым, но Мэн Синчжи работал куратором не первый год и прекрасно знал: ни один студент, притащенный в кабинет после драки, никогда не считает себя виноватым.

Лицо Сы Юэ «украшали» ссадины, и его ледяное выражение уже не казалось таким уж устрашающим. Когда он только зашел в кабинет, от него исходила такая яростная, темная аура, что казалось, он готов броситься в драку прямо сейчас. Но стоило Мэн Синчжи позвонить Бай Цзяню, как Сы Юэ моментально сдулся. Теперь он стоял перед ним, уныло опустив голову и понутив плечи, с рюкзаком за спиной.

Даже жалко его стало.

— Ну, рассказывайте, из-за чего подрались? — Мэн Синчжи постучал пальцем по столу. Окинув взглядом Сы Юэ, он перевел глаза на двух парней с финансового: — И вам не стыдно? Вдвоем на одного.

Куратор финансистов возмущенно вытаращил вперед того амбала, что дрался с Сы Юэ, и развернул его:

— Вдвоем на одного?! Да этот ваш мелкий паршивец и один пятерых раскидает, не моргнув глазом! Учитель Мэн, мы же не по количеству человек правоту определяем, верно?

Сы Юэ, даже будучи побитым, умудрялся выглядеть стильно. А вот его противник представлял собой жалкое зрелище: глаза и нос превратились в одно сплошное месиво, половину лица разнесло, губа съехала набок.

— Значит так, с каждого по объяснительной, и чтобы завтра же оба были с родителями! Услышали?! — Куратор с финансового был далеко не таким мягким и вежливым, как Мэн Синчжи. Он с силой хлопнул ладонью по столу и рявкнул: — Объяснительная на три тысячи иероглифов! И чтоб ни одним иероглифом меньше!

Оба парня мрачно и глухо буркнули:

— Поняли.

Тот, кого избил Сы Юэ — его звали У Янь, — поднял голову, всё еще кипя от возмущения:

— Мы вообще ничего не сделали! Шли себе спокойно, а этот вдруг вылетает и начинает махать кулаками! С какой стати мы должны нести наказание?!

«...»

Он говорил это с таким искренним жаром, что на ложь это совершенно не походило.

— Вот-вот, Учитель Мэн, вы бы спросили своего студента, почему он на людей бросается?

У Мэн Синчжи внутри шевельнулось легкое раздражение. Его студент тоже пострадал, почему это звучит так, будто Сы Юэ просто напал на бедных, незащищенных прохожих?

Но причину драки выяснить всё же следовало. Мэн Синчжи кивнул и мягко спросил:

— Сы Юэ, расскажи мне, что случилось? Почему ты полез в драку?

Сы Юэ упрямо поджал губы и опустил глаза. Длинные ресницы отбрасывали легкую тень на бледные щеки. Синяк в уголке глаза делал его лицо еще более бледным, а выражение — холодно-отстраненным.

Он молчал, явно отказываясь отвечать.

Мэн Синчжи всё понял.

Похоже, Сы Юэ не собирался ему ничего рассказывать.

— Ну ладно... дождемся твоего опекуна, — видя это ослиное упрямство, Мэн Синчжи оставил попытки вытянуть из него хоть слово. Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на У Яня: — А ваши родители когда подъедут?

Парни переглянулись.

— Мои за границей, — буркнул один.

— А мои в другом городе, сегодня никак не успеют, — поддакнул второй.

Если бы Мэн Синчжи за свою столетнюю жизнь не научился распознавать дешевые отмазки двадцатилетних юнцов, он бы зря коптил небо. Он соорудил невероятно сочувствующее лицо:

— Ах, вот как... Как жаль. Ну, значит, придется оформлять строгий выговор с занесением в личное дело. Согласны, Учитель Чжан?

«...»

В Цинбэе к моральному облику студентов относились предельно строго, и получить заветный диплом было не так-то просто. Любой студент, получивший строгий выговор с занесением, автоматически отправлялся на отсрочку выпуска. В период этой отсрочки он был обязан заново изучать кодекс студента, устав университета и прочие правила, а затем сдавать квалификационный экзамен. Экзамен состоял из теоретической и практической частей. Практику принимал преподаватель, который мог устроить проверку на моральную устойчивость инкогнито, в любом месте и в любое время. Из десяти человек эту практику обычно сдавала дай бог половина.

Об этом на собраниях первокурсников кураторы твердили до хрипоты: «Уж лучше завалить сессию, чем получить выговор в личное дело!»

Услышав слова Мэн Синчжи, У Янь и его приятель в панике схватились за телефоны, судорожно названивая родителям.

Сы Юэ даже ухом не повел. Он лениво приподнял веки:

— Учитель Мэн, я подожду Бай Цзяня в коридоре.

Мэн Синчжи молча махнул рукой, давая добро.

В коридоре было пусто. Время перевалило за шесть, на улице уже совсем стемнело.

Чэн Цзюэ всё еще топтался у дверей.

Увидев выходящего Сы Юэ, он бросился к нему с тревожным лицом:

— Ну как ты? Что сказал куратор?

Сы Юэ объяснил, что пришлось вызвать родителей, и он, видимо, застрял тут надолго.

— Езжай домой, не жди меня.

— А как же институт...

— Сходим завтра.

Чэн Цзюэ кивнул:

— Лады! Я тогда напишу им на почту, предупрежу, а то еще подумают, что мы просто забили.

Проводив взглядом Чэн Цзюэ, Сы Юэ раздраженно взъерошил волосы — и тут же зашипел от боли, наткнувшись на здоровенную шишку на затылке.

Семь часов вечера.

Ветер завывал в коридорах учебного корпуса. В конце марта в других городах уже теплело, но в Цинбэе, особенно по вечерам, погода мало чем отличалась от промозглой зимы.

Выход из коридора смотрел на старый, раскидистый баньян, чью грубую кору густо оплетали плетистые розы. Несколько бутонов уже распустились, остальные только набухали.

Сы Юэ бездумно считал эти бутоны. Когда он дошел до шестьдесят шестого, свет ярких автомобильных фар разрезал темноту и ударил по стволу дерева. Пространство мгновенно залило слепящим белым светом, в котором ветви роз превратились в резкие черные тени, мечущиеся на ветру.

Шум двигателя стих. Хлопнула дверца. По железной лестнице застучали кожаные туфли — шаг за шагом, всё ближе и отчетливее.

До этого момента Сы Юэ опирался спиной на ледяную стену, и кафель уже, казалось, заморозил кровь в его позвоночнике.

Но стоило в конце коридора показаться Бай Цзяню, как Сы Юэ тут же отлип от стены и медленно выпрямился.

Коридор был оборудован датчиками звука. Сы Юэ кашлянул, и лампы над ними вспыхнули.

Бай Цзянь приехал один.

На нем был безупречно скроенный черный костюм. Его аура была элегантно и аристократично, но при этом излучала леденящую, пугающую угрозу. Шаг за шагом он приближался к Сы Юэ. При первом же взгляде он заметил ссадины на лице юноши, который еще секунду назад безвольно приваливался к стене. Бай Цзянь с трудом сохранил на лице свою привычную мягкость.

— Куратор всё еще там, — из-за долгого молчания голос Сы Юэ звучал хрипло.

Бай Цзянь не произнес ни слова. Он просто смотрел на него.

Взгляд мужчины был спокойным. Жутко, пробирающе спокойным.

Сы Юэ робко взглянул на него и тут же поспешно отвел глаза. В груди шевельнулась паника: он подумал, что Бай Цзянь сейчас начнет отчитывать его, как Сы Цзяньюань — мол, вечно ты не знаешь меры, только проблемы создаешь.

— Они первые начали обзывать. Я всё слышал... Сам не знаю, почему у меня такой слух прорезался, — Сы Юэ опустил голову. На лбу у него красовалась ссадина, которую Бай Цзянь

прекрасно видел, но сам Сы Юэ ее даже не замечал. Он торопливо оправдывался: — И тогда мы сцепились. Честное слово, они первые начали!

Сы Юэ уставился на ровные квадраты светло-серых плиток, затем на безупречные стрелки брюк Бай Цзяня и его отполированные до блеска туфли, после чего отвел взгляд в сторону:

— Они назвали наш брак зоофилией. Назвали тебя... животным.

В своей жизни Сы Юэ слышал вещи и похуже. Оскорбления в свой адрес его не волновали, на таких людей ему было плевать. Но Бай Цзянь — это совсем другое. Дай ему второй шанс, он бы снова набил им морды.

— Значит, ты вступился за меня? — тихо спросил Бай Цзянь. Он скользнул взглядом по худеньким плечам юноши. Этот одинокий мальчишка, стоящий в холодном коридоре, казался ему более хрупким, чем те плети роз, цепляющиеся за кору баньяна снаружи.

Спустя долгую паузу Сы Юэ глухо ответил:

— Они оскорбляли тебя. Я не мог это терпеть.

Бай Цзянь мягко усмехнулся, шагнул вперед и сгреб его в охапку.

Сы Юэ уткнулся лбом в плечо мужчины. В носу предательски защипало, и он тайком вытер наворачившиеся слезы о дорогой пиджак Бай Цзяня:

— В этом треkere, который вы нам выдали, есть прослушка. Если не веришь, можешь сам записи поднять.

— Я верю, — Бай Цзянь отстранился и одной рукой мягко взял его за лицо. Ледяной большой палец невесомо погладил синяк в уголке губ Сы Юэ. — Я, разумеется, верю А-Юэ.

Мэн Синчжи привык к переработкам. Его коллега Чжан тоже копался в бумагах, а У Янь и Лю Чжиэнь уныло сидели на стульях с книжками. Их родители сегодня и правда приехать не могли, но божились быть завтра до обеда. А без подписи родителей в объяснительной отпускать их было нельзя: при следующем таком инциденте их бы просто забрали домой с вещами.

Тук-тук.

— Войдите.

Увидев вошедшего, Мэн Синчжи подскочил со стула так, словно его пружиной подкинуло. Он отбросил ручку и с запинкой выпалил:

— Господин Бай Цзянь... з-здравствуйте!

Куратор Чжан был человеком. Он не понимал, откуда у тритонов взялась такая жесткая иерархия, но тоже занервничал. Иерархия иерархией, но он прекрасно осознавал, кем является Бай Цзянь для Цинбэя. Он был их главным кормильцем.

Да, Цинбэй — университет государственный, и правительство выделяло на него деньги. Но бюджетные средства не берутся из воздуха, местные предприниматели вносят огромную лепту, и семья Бай была крупнейшим меценатом. В любом случае, с господином Баем они были обязаны общаться предельно почтительно и подобострастно.

Старина Чжан бросился наливать чай.

Мэн Синчжи пододвинул лучшее кресло.

— Присаживайтесь, пожалуйста!

Два куратора сидели перед Бай Цзянем напряженно и скованно, словно первокурсники на экзамене.

Сы Юэ, стоящий за спиной Бай Цзяня, мстительно подумал, что Мэн Синчжи уже тысячу раз пожалел о своем звонке — куратор не так волновался даже когда толкал речь на церемонии посвящения в студенты.

Мэн Синчжи вкратце обрисовал ситуацию. Бай Цзянь вел себя дружелюбно и вежливо, что заметно снизило психологическое давление на преподавателей и заставило их еще больше проникнуться к нему уважением.

— Мы обязательно вынесем строгий выговор студентам У Яню и Лю Чжиэню! Впредь подобные возмутительные инциденты не повторятся! — Мэн Синчжи внутренне застонал. Бай Цзянь был сама любезность, но по его лицу абсолютно невозможно было прочесть, доволен ли он таким исходом.

Бай Цзянь легко улыбнулся:

— Я верю в ваши гарантии, Учитель Мэн. Однако причину конфликта необходимо выяснить досконально. Двое студентов утверждают, что А-Юэ напал первым. Чтобы никого не обвинить бездоказательно, я предлагаю просмотреть записи с камер наблюдения.

Мэн Синчжи побледнел:

— Н-на той аллее еще не установили камеры...

— Это не проблема, — Бай Цзянь мягко потянул Сы Юэ за руку, выводя его вперед. — Трекеры, которые семья Бай пожертвовала медицинскому институту, как раз оснащены функционалом для предотвращения подобных ситуаций. Учитель Мэн, будьте добры, распорядитесь.

Мэн Синчжи торопливо вскочил:

— Никаких проблем, сейчас вызову службу безопасности с оборудованием!

Он бросился к телефону.

У Янь и Лю Чжиэнь переглянулись. Они не паниковали: записи были им только на руку, ведь Сы Юэ действительно ударил первым.

Служба безопасности примчалась с оборудованием за пятнадцать минут.

Это был массивный терминал с цветным экраном. Сы Юэ закатал рукав. Охранник обернул вокруг его запястья магнитный датчик шириной в два пальца, закрепив его ровно по белой линии.

На экране высветилось полное досье студента: контакты, данные, фотография.

Фото было сделано еще в старшей школе, сразу после того, как Сы Юэ коротко подстригся. На снимке он смотрел в объектив с крутым и дерзким видом. Бай Цзянь, сидя в кресле, бросил на него взгляд, полный затаенной нежности и улыбки. Сы Юэ был слишком поглощен происходящим на экране и ничего не заметил.

Когда охранник увидел, что на трекере включены абсолютно все функции, включая прослушку и скрытую аудиозапись, он мысленно присвистнул. Вот что значит элита! Такое расширение могли позволить себе единицы.

Функция прослушки синхронизировалась с тем, что воспринимал сам носитель. Иными словами, всё, что слышал Сы Юэ, трекер записывал слово в слово.

Чтобы найти нужный момент, охраннику пришлось проматывать аудиофайлы один за другим.

Он кликнул на первую попавшуюся запись. После короткой буферизации раздался голос Чэн Цзюэ:

— Скажи честно... как там господин Бай Цзянь в постели? Хорош? Размер большой?

Все присутствующие в кабинете: «...»

Сы Юэ от ужаса чуть не вырвал руку из датчика вместе с проводами. Он не смел поднять глаз на Бай Цзяня, но кожей чувствовал его долгий, выразительный взгляд.

Вторая попытка оказалась успешной.

На фоне гомона шумной толпы студентов, секунда за секундой, запись кристально чисто воспроизвела весь диалог тех двоих. Сы Юэ даже показалось, что качество звука на записи лучше, чем то, что он слышал в реальности. Трекеры что, еще и звук чистят?

Дальше пошли звуки шагов — Сы Юэ развернулся к ним. А потом начался сам конфликт.

Тяжелое дыхание У Яня, который душил Сы Юэ сзади, его искаженное злобой лицо — всё это четко запечатлелось в памяти устройства.

И его слова эхом разнеслись по тишине кабинета:

— Личико и правда смазливое, есть чем торговать. Жаль только, что подстилкой для нелюдя стал.

Разве можно... говорить такие вещи вслух?

Хрупкий баланс между людьми и тритонами в обществе поддерживался с колоссальным трудом. Того относительного мира, что существовал сейчас, добивались годами. Да, взаимная неприязнь никуда не делась, но открыто границы никто не переходил.

Цинбэй входил в десятку лучших вузов страны. Стоило бы кому-то слить эти слова У Яня в сеть, и это нанесло бы непоправимый урон репутации всего университета — и студентов, и преподавателей.

Лицо охранника потемнело. Ну и поганые же рты у нынешней молодежи. Он снял магнитный датчик с запястья Сы Юэ:

— Думаю, на этом всё. Нужно скопировать файлы? Если нет, мы пойдем, у нас еще дежурство.

Решение было за Бай Цзянем. Мэн Синчжи выжидающе посмотрел на него.

Бай Цзянь притянул Сы Юэ поближе к себе и спокойно ответил:

— Копировать не нужно. Можете идти.

Охранники укатили терминал, но забыли плотно прикрыть за собой дверь. В щель с воем ворвался ледяной сквозняк. Преподаватели просто поежились, а вот у У Яня и Лю Чжиэня мороз пробежал по самому позвоночнику.

Они, конечно, слышали, что медицинский институт любит пичкать студентов всякими навороченными гаджетами за счет щедрых спонсоров-тритонов, но чтобы этот чертов браслет умел такое?!

Бай Цзянь перевел взгляд на куратора Чжана:

— Учитель Чжан, я уверен, что вы вынесете абсолютно справедливое и беспристрастное решение, — его голос звучал мягко, но в глазах не было ни капли тепла.

Мэн Синчжи мысленно взмолился: «Старина Чжан, умоляю, не тупи! От этого зависит вся твоя карьера!»

— Разумеется! Разумеется! — Чжан закивал так яростно, что очки чуть не слетели с носа. Он поспешно поправил их, стирая холодный пот со лба. — Я немедленно доложу декану! Мы

обязательно добьемся самого строгого... самого сурового наказания!

Бай Цзянь бросил взгляд на Сы Юэ, на секунду задумался и спросил:

— самого сурового — это насколько?

Мэн Синчжи всё понял окончательно. Господин Бай Цзянь не собирался давать этим двоим ни единого шанса.

Чжан вытер вспотевший лоб:

— Я прямо сейчас напишу декану и ректору письмо с просьбой об отчислении с занесением в личное дело!

Сам он, будучи простым куратором, правом на отчисление не обладал.

Бай Цзянь не стал давить на обычного преподавателя. Он поднялся с кресла с самой доброжелательной улыбкой:

— Время уже позднее, я отвезу А-Юэ домой. Позже с руководством свяжется мой ассистент. Благодарю за ваш труд, Учителя.

— Что вы, что вы, это наша обязанность! — зачастил Мэн Синчжи, провожая их до самых дверей.

Только когда внизу взревел мотор и машина уехала, он вернулся в кабинет и бессильно рухнул в кресло. Глядя на двух студентов, сжавшихся как перепелки, он хотел было заорать на них, но проглотил слова.

Лю Чжиэнь заговорил первым, умоляющим тоном:

— Учитель... мы же просто болтали. Так многие говорят...

Чжан устало отмахнулся:

— Мне-то что ты это говоришь? От меня уже ничего не зависит.

Лю Чжиэнь вспомнил, как вел себя Бай Цзянь с момента появления в кабинете. Ни разу не повысил голос, был образцом элегантности и вежливости. Он даже не удостоил их ни единым словом. Кажется, такой покладистый... но на деле он не отступил ни на миллиметр.

Пока Бай Цзянь не даст отмашку, университет их не помилует.

Осознав это, Лю Чжиэнь и У Янь переглянулись, и на их лицах отразилась одна и та же эмоция. Абсолютное отчаяние.

Сы Юэ молча забился в кресло пассажира. Его унылый, побитый вид вызывал щемящее чувство жалости.

Машина ехала неспешно. На светофоре Бай Цзянь спросил:

— Сильно болит?

— Да норм, — буркнул Сы Юэ. — Я в старших классах вечно дрался, опыт есть. Пара дней, и всё заживет.

Он опустил солнцезащитный козырек, глянул на свое разукрашенное лицо в зеркальце, и вся его бравада мгновенно улетучилась.

— У нас дома мазь есть?

Бай Цзянь мысленно вздохнул, поражаясь скорости смены его настроений.

— В следующий раз, если возникнет подобная ситуация, просто скажи мне. Я всё улажу. Не нужно распускать кулаки. Если твой противник окажется тритоном...

Окажись это тритон, Сы Юэ бы не отделался шишкой на затылке и разбитой губой.

— Знаешь, Бай Цзянь, а ведь ты совсем не такой, как Сы Цзяньюань, — Сы Юэ захлопнул зеркальце, откинул спинку кресла и уставился на длинные пальцы Бай Цзяня, лежащие на руле. — Помню, как-то раз я так же вызвал его в школу. Он залетел в кабинет и, даже не разобравшись, с порога начал орать на меня благим матом.

— Он твой отец. Его любовь и забота подразумевают воспитание. А воспитание — процесс сложный, ведь оно неизбежно связано с давлением и дискомфортом.

Свет уличных фонарей скользил по салону, бросая причудливые тени на глаза Бай Цзяня.

— Но я не твой отец, — продолжил он. — Тебе не нужно мое воспитание. Всё, что мне нужно — это любить и защищать тебя. И этого вполне достаточно.

Сы Юэ мысленно поразился: этот Бай Цзянь был просто гением. Он всегда находил нужные слова, чтобы моментально его успокоить.

Он смотрел на мужчину и чувствовал, насколько огромна пропасть между ними. Во всем. Это невозможно было описать парой слов.

— И еще кое-что, А-Юэ. У меня есть вопрос, — теплый свет в глазах Бай Цзяня погас. Он легонько постучал указательным пальцем по рулю. — На записи с трекера четко слышно всё, что они говорили. Но вы находились на расстоянии не менее пяти метров, в шумной толпе. Даже тритоны не в состоянии расслышать шепот на такой дистанции в таком шуме. Ты задумывался, как тебе это удалось?

Звукоизоляция в машине была идеальной, с улицы не доносилось ни звука. Сы Юэ перевел

взгляд от окна на панель приборов. Он сглотнул, и в его глазах появилось недоверие:

— Я... подпал под твое влияние?

Он пробормотал себе под нос:

— То-то я думаю, чего это у меня слух в последнее время такой острый...

Бай Цзянь с легкой грустью припарковался на обочине. Над ними раскинулась гигантская крона старого платана, а с другой стороны шумело море, разбиваясь о рифы.

Он наклонился, вернул спинку кресла Сы Юэ в вертикальное положение и тихо произнес:

— А-Юэ... Боюсь, я недооценил сам себя.

Он отстегнул ремень и мягко обнял юношу:

— А-Юэ, судя по тому, как идут дела... тебе даже не придется становиться «сосудом для вынашивания». Существует огромная вероятность, что ты сам обратишься в тритона.

Слов было немного, но их вес был колоссальным.

Сы Юэ замер. Шок ударил по нему, словно цунами.

Каждый удар его сердца отдавался грохотом многометровых волн, разбивающих в пыль береговые скалы.

— Прости. Это моя вина, — прошептал Бай Цзянь. В его взгляде мелькнула тень какой-то хрупкой, почти разбитой печали.

— Ты тоже жертва, всё нормально, — на автомате выдал Сы Юэ. Обычные тритоны не могли так влиять на людей. Но генетика Бай Цзяня была настолько совершенной и подавляющей, что его влияние на человека оказалось колоссальным.

Это был первый раз, когда Бай Цзянь вступил в столь тесный контакт с человеком. Всего лишь поцелуй — но слух и восприятие Сы Юэ уже начали стремительно мутировать.

А ведь он даже в мыслях не собирался становиться тритоном!

Воздух в салоне стал тяжелым, почти осязаемым.

Сы Юэ даже забыл о боли в разбитом лице.

Он не знал, куда деть взгляд.

— А-Юэ, я уважаю любое твое решение, — Бай Цзянь мягко погладил его безвольно опущенные пальцы и тепло улыбнулся: — Всё будет так, как решишь ты.

Услышать от тритона, которому почти триста лет: «Всё будет так, как решишь ты» — это должно было польстить его самолюбию. Но Сы Юэ почему-то не чувствовал гордости и не думал, что это «круто».

Он долго сидел, опустив голову.

— Говоришь, как решу я? — Сы Юэ вскинул упрямый взгляд. — А если я скажу: контракт разорвать, завтра развод — это тоже будет по-моему?

Бай Цзянь тихо рассмеялся:

— Если А-Юэ не против платонических...

— Кто собирался строить с тобой платонические отношения?! — перебил его Сы Юэ. Он сорвал с себя ремень безопасности, навалился на Бай Цзяня и впился зубами в его губы.

Он отстранился только тогда, когда во рту появился металлический привкус крови. В его глазах полыхала безрассудная, отчаянная решимость человека, которому нечего терять.

— Превращусь так превращусь. Мне плевать!

Бай Цзянь слизал каплю крови с губы и обвил руками талию Сы Юэ.

— Отказаться от своих человеческих генов... А-Юэ, я уже говорил: это и предательство, и жертва.

За окном сгущались тучи. Густой туман неумолимо наползал с моря, поглощая берег и создавая гнетущее, удушливое чувство неизбежности.

Пальцы Бай Цзяня коснулись гладкой кожи за ухом Сы Юэ.

— Когда ты обратишься, здесь появится чешуя.

Ледяной палец очертил контур ушной раковины.

— И жаберные плавники. Правда, я пока не знаю, какого они будут цвета.

Сы Юэ не мог оторвать взгляд от темных, бездонных омутов глаз Бай Цзяня. Низкий, бархатный голос завораживал.

Это было последнее предупреждение. Бай Цзянь прямо говорил своему человеческому партнеру: превращение — это не просто веселая игра в русалочку. Его человеческая природа будет полностью вытеснена генами тритона. Он перестанет быть человеком на биологическом уровне.

Пальцы Сы Юэ вцепились в плечи мужчины так, что костяшки побелели. Ресницы мелко дрожали.

Бай Цзянь чувствовал его страх, но не остановился. Он заставил Сы Юэ смотреть ему в глаза, подался вперед и мягко коснулся своими губами его губ.

— А-Юэ... Буду эгоистом: я хочу, чтобы ты всегда был со мной.

Сказав это, он вдруг поцеловал его жадно и яростно. Он кусал и зализывал разбитую губу Сы Юэ, чувствуя вкус крови, вынуждая юношу запрокинуть голову.

— Но... — Бай Цзянь нехотя отстранился и ласково зарылся пальцами в мягкие волосы партнера. — Я хочу, чтобы ты был свободен и счастлив.

Он передавал всю власть и право выбора в руки Сы Юэ.

Губы Сы Юэ горели от грубых ласк тритона. Он сжал пальцы на пиджаке Бай Цзяня так, что ткань затрещала:

— Бай Цзянь, мне страшно.

Он сказал это серьезно, без малейшей доли иронии, с неприкрытой тревогой в глазах.

Бай Цзянь легко перетянул его к себе на колени, отодвинув водительское кресло до упора назад.

— Чего именно ты боишься? — нежно спросил он.

Сы Юэ молчал.

— Если ты согласен, всё остальное я возьму на себя. Тебе нужно только кивнуть или покачать головой, — Бай Цзянь невесомо целовал его лицо.

Сы Юэ кивнул. Но тут же спросил:

— А если я покачаю головой?

Бай Цзянь с легкой улыбкой посмотрел на него:

— Я же сказал. Можем перейти на платонику.

Сы Юэ отчаянно замотал головой:

— Это ты за свои века привык к целибату! А я так не могу, я в самом соку!

«...»

Сы Юэ сам потянулся за поцелуем. Он совершенно не умел целоваться, и даже после стольких уроков с Бай Цзянем, когда брал инициативу, походил на дикого котенка: бросался вперед и просто хаотично кусался.

Бай Цзяня совершенно не смущала эта хаотичная манера.

Спустя пару минут задыхающийся Сы Юэ чуть отстранился:

— Бай Цзянь... Даже если я стану тритоном, я не предаю свою человеческую природу. В душе я всё равно останусь человеком.

Он давно уже допускал мысль о том, что всё может пойти не по плану, и это его больше не пугало. В конце концов, даже если ты останешься обычным человеком, тебя всегда может прибить упавшим рекламным щитом.

Бай Цзянь взял лицо Сы Юэ в ладони. Его взгляд лучился теплом.

— Так что скажешь, А-Юэ? Каков твой ответ?

Он спрашивал на полном серьёзе, ожидая окончательного решения.

Но Сы Юэ не мог произнести ни слова.

Понимая его панику и смятение, Бай Цзянь мягко направил его:

— А-Юэ, сейчас я поцелую тебя. Если ты не хочешь... просто отстранись. Договорились?

Сы Юэ утонул в его нежном, всё понимающем взгляде. Спустя бесконечно долгое мгновение он еле слышно выдохнул:

— Мгм.

Бай Цзянь, придерживая его за подбородок, начал медленно приближаться.

Сы Юэ судорожно хватал ртом воздух, сердце колотилось где-то в горле.

В ту секунду, когда расстояние между их губами сократилось до нуля...

Сы Юэ стиснул зубы и крепко зажмурился.

Но не отстранился.

<http://bllate.org/book/14657/1301531>